

Галина Козловская

..... МЕМУАРЫ • XX ВЕК

МЕМУАРЫ • XX ВЕК.....

**Галина
Козловская**

.....

Шахерезада

Тысяча и одно воспоминание

Москва
Издательство

АСТ

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К59

Художественное оформление и макет — Андрей Бондаренко

Составители — Татьяна Кузнецова и Наталья Чудова

Предисловие — Наталья Громова

Издательство благодарит за предоставленные фотоматериалы
Государственный литературный музей,
Государственный литературно-мемориальный Музей Анны Ахматовой
в Фонтанном Доме, Государственный музей изобразительных искусств Узбекистана
в Ташкенте, Культурный центр “Дом Цветаевой” Новосибирской государственной
областной научной библиотеки

Фотографии Б. Л. Пастернака и Е. В. Пастернак студии М. С. Напельбаума
(Агентство ФТМ Лтд.)

В книге использованы фотографии из архивов семьи Козловских (Бориса Дубровина),
В. Геруса, Пастернаков, Мелик-Пашаевых, Сосинских, Чудовых, М. Давыдова, И. Кудровой,
Т. Левина и В. Молдавера, А. Фэвр-Дюпэгр, а также фотокопии партитуры романсов
А. Козловского, приведенных по изданию Б. Кац, Р. Тименчик “Анна Ахматова и музыка”
(Л., Советский композитор, 1989)

Козловская, Галина Лонгиновна.

К59 Шахерезада. Тысяча и одно воспоминание / Г. Л. Козловская. — Москва : Издательство АСТ: Редакция Елены Шубиной, 2015. — 555 [5] с. — (Мемуары — XX век).

ISBN 978-5-17-090999-5

Галина Козловская (1906–1997) — писательница, мемуаристка. Красавица, чьим литературным талантом восхищался Г. Уэллс, в юности блистала за границей. Но судьба поджидала на родине, в Москве: встреча с молодым композитором Алексеем Козловским, ссылка в Ташкент в 1935-м. Во время войны гостеприимный дом Козловских был открыт для всех эвакуированных.

С радужного приема началась дружба с Анной Ахматовой. Собеседники и герои мемуаров “Шахерезады” (так в одном из стихотворений назвала Галину Козловскую Анна Андреевна) — Марина Цветаева, Борис и Евгения Пастернаки, Фаина Раневская, Корней Чуковский, В. Сосинский, А. Мелик-Пашаев... А еще – высокий строй души и неповторимый фон времени.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-090999-5

© Козловская Г.Л., Дубровин Б.В., 2015
© ООО «Издательство АСТ», 2015

СОДЕРЖАНИЕ

Наталья Громова

“В своих воспоминаниях я сильнее времени и смерти” 7

Татьяна Кузнецова, Наталья Чудова

Поиски и находки 14

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ Воспоминания

ДНИ И ГОДЫ ОДНОЙ ПРЕКРАСНОЙ ЖИЗНИ 21

ДЕНЬ, ПРОЖИТЫЙ В СОЛНЕЧНОЙ ПРЕЛЕСТИ 55

СОРОК ЛЕТ В СОЛНЕЧНОМ КРАЮ 65

ВОСТОЧНЫЙ ПОЛДЕНЬ АННЫ АХМАТОВОЙ 169

ЧАСТЬ ВТОРАЯ Переписка и воспоминания современников

ТАТЬЯНА КУЗНЕЦОВА. ИСТОРИЯ В ПИСЬМАХ 195

АЛЕКСАНДР МЕЛИК-ПАШАЕВ. ВОСПОМИНАНИЯ 244

ПИСЬМА МИННЕ ШМЕЛЬКИНОЙ 250

ПИСЬМА ВЛАДИМИРУ СОСИНСКОМУ 257

ПЕРЕПИСКА С ИРМОЙ КУДРОВОЙ 309

ТЕОДОР ЛЕВИН. О ГАЛИНЕ КОЗЛОВСКОЙ 340

ПИСЬМА ВАЛЕРИАНУ ГЕРУСУ 346

.....	
ПИСЬМА ЕВГЕНИЮ И ЕЛЕНЕ ПАСТЕРНАКАМ	356
ДВА ПИСЬМА МИХАИЛА ДАВЫДОВА ГАЛИНЕ КОЗЛОВСКОЙ	475
ПЕРЕПИСКА С ГЕННАДИЕМ АБОЛЪЯНИНЫМ	484
ПИСЬМА АННЕ ФЭВР-ДЮПЭГР	495
ПИСЬМА ЛЮДМИЛЕ ЧУДОВОЙ-ДЕЛЬСОН	507
НЕОТПРАВЛЕННОЕ ПИСЬМО ГЕНРИХУ НЕЙГАУЗУ	541
ПИСЬМА ВАЛЕРИЮ МОЛДАВЕРУ	544

“В СВОИХ ВОСПОМИНАНИЯХ Я СИЛЬНЕЙ ВРЕМЕНИ И СМЕРТИ”

Ташкент. Конец 1941 года. Небольшой двухэтажный дом на улице Карла Маркса, где живут эвакуированные писатели, скоро станут называть “Ноевым ковчегом”. По выщербленным и стертým ступеням поднимаются две молодые женщины. Они подруги с юных лет. Одна — Евгения Владимировна Пастернак (первая жена поэта), вторая — Галина Лонгиновна Козловская, случайная обитательница этих мест. С волнением постучали они в дверь с окошком, на котором была выведена надпись “Касса”. Из-за двери послышался голос. Когда дверь открыли: перед ними в пустой каморке на старом стуле сидела, кутаясь в шубу, Анна Андреевна Ахматова.

В отличие от хлынувших во время войны в Ташкент деятелей науки и искусства, Галина Козловская оказалась здесь не по своей воле. Этот восточный город еще в двадцатые годы стал местом ссылки московской и ленинградской интеллигенции. Сюда в 1936 году она приехала с мужем, композитором Алексеем Федоровичем Козловским, как оказалось, навсегда.

“С первых же дней эвакуации из разных городов к нам в дом хлынуло множество друзей, подчас почти незнакомых... Всех надо было встречать, поить, кормить, устраивать на ночлег, искать квартиру, хлопотать о прописке. В наш адрес шли письма из разных городов — от друзей тех, кто уехал и не знал, где будет их пристанище. Люди страшились потерять друг друга. Мы с радостью делали всё, что могли, чтобы помочь им всем”, — писала Галина Козловская.

Галина Козловская с подругой пришла к Ахматовой в одну из первых недель ее жизни в ноябрьском холодном Ташкенте. Анна Ан-

С 1943 года Ахматова жила на улице Жуковской вместе с Надеждой Яковлевной Мандельштам. Там написано это стихотворение. И там они много вечеров проводили с Козловскими, разговаривая о музыке, которой пронизана ее “Поэма без героя”.

Все небо в рыжих голубях,
 Решетки в окнах — дух гарема...
 Как почка, набухает тема.
 Мне не уехать без тебя —
 Беглянка, беженка, поэма.

Ахматова писала (“Проза о поэме”): “Борьба с читателем продолжалась всё время. Помощь читателя (особенно в Ташкенте) тоже. Там мне казалось, что мы пишем ее все вместе”. Козловская отзывалась: “Ей важен был наш живой, горячий, постоянный душевный отклик. С того дня она стала приходить к нам, то каждый день, то через день или дня через три, и всякий раз приносила написанное накануне. Судьбе было угодно сделать нас свидетелями рождения удивительного произведения искусства, и мы про себя называли его «наша поэма»”.

Позднее Ахматова посвятила Козловскому одно из самых по-восточному жарких стихотворений:

В ту ночь мы сошли друг от друга с ума,
 Светила нам только зловещая тьма,
 Свое бормотали арыки,
 И Азией пахли гвоздики.

И мы проходили сквозь город чужой,
 Сквозь дымную песнь и полуночный зной, —
 Одни под созвездием Змея,
 Взглянуть друг на друга не смея.

То мог быть Стамбул или даже Багдад,
 Но, увы! не Варшава, не Ленинград, —
 И горькое это несходство
 Душило, как воздух сиротства.

И чудилось: рядом шагают века,
 И в бубен незримая била рука,

И звуки, как тайные знаки,
Пред нами кружились во мраке.

Мы были с тобою в таинственной мгле,
Как будто бы шли по ничейной земле,
Но месяц алмазной фелукой
Вдруг выплыл над встречей-разлукой...

И если вернется та ночь и к тебе
В твоей для меня непонятной судьбе,
Ты знай, что приснилась кому-то
Священная эта минута.

Существует версия, что стихи эти посвящены Юзефу Чапскому. Однако в письме к Александру Межирову Галина Козловская дала ключ к этому стихотворению:

“Мне кажется, что теперь я имею право рассказать о тайне и обстоятельствах его возникновения. В один из жарких дней последнего лета Анна Андреевна пришла к нам и собралась уходить уже поздно. У меня на столе стояли белые гвоздики, необычайно сильно и таинственно настойчиво пахнувшие. Анна Андреевна всё время касалась их рукой и порой опускала к ним свое лицо. Когда она уходила, она молча приняла из моих рук цветы с мокрыми стеблями.

Как всегда, Алексей Федорович пошел ее провожать. Это было довольно далеко, но все мы тогда проделывали этот путь пешком. Вернулся домой он нескоро и, сев ко мне на постель, сказал: “Ты знаешь, я сегодня, сейчас, пережил необыкновенные минуты. Мы сегодня с Анной Андреевной, как оказалось, были влюблены друг в друга, и такое в моей жизни, я знаю, не повторится никогда. Мы шли и подолгу молчали. По обочинам шумела вода, и в одном из садов звучал бубен. Она вдруг стала спрашивать меня о звездах. (Алексей Федорович хорошо знал, любил звезды и умел о них рассказывать.) Я почему-то много говорил о Кассиопее, а она всё подносила к лицу твои гвоздики. От охватившего нас волнения мы избегали смотреть друг на друга и снова умолкали”.

Продолжением той ночи — стали стихи.

Его исповедь я запомнила дословно, со всеми реалиями пути, чувств и шагов. <...> И я, ревнивейшая из ревнивиц, испытала чувство полного понимания и глубокого сердечного умиления.

Несколько дней Анна Андреевна не приходила. Алексей Федорович ходил потерянный, затем она пришла, и всё пошло по-прежнему. И пока она была в Ташкенте, никакого стихотворения не было, хотя я уверена, что оно было, написанное тотчас, по свежему следу. Так точны все реалии жизни, так дословно рассказанные мне Алексеем Федоровичем, что мне кажется, вряд ли оно было написано потом, много лет спустя. Хотя, кто знает, быть может, гений поэта — это его ничего не забывающая память?

И когда годы спустя Алексей Федорович впервые прочел эти стихи, он ошеломленно опустил книгу и только сказал: “Прочти”. Я на всю жизнь запомнила его взгляд и оценила всю высоту и целомудрие этого его запоздалого признания. <...>

Но их обоих нет, не станет когда-нибудь и меня, а тайна должна кем-то храниться, раз они были и прожили свою пленительную жизнь”.

Спустя годы, когда не будет в живых ни Ахматовой, ни Козловского, Галина Лонгиновна напишет одни из самых ярких воспоминаний о тех тяжелых и счастливых временах. Прекрасным литератором, умным читателем она была для своих друзей и адресатов замечательных писем, но с появлением в печати отрывков воспоминаний Галины Лонгиновны о ее писательском даровании узнали многие.

Кроме литературного, Галина Лонгиновна обладала и музыкальным талантом, прекрасно пела, в том числе и песни на стихи Ахматовой, музыку к которым написал ее муж. С ним она познакомилась еще совсем юной, когда приехала в Москву. Здесь в литературных кругах ее рассказы не нашли того отклика, который имели за рубежом, где прошла ее юность, и она на годы перестала писать. Но зато встретила человека, которого полюбила и с которым ей было невероятно интересно. В 1926 году она вышла за него замуж.

Алексей Козловский был талантливым композитором и дирижером и подавал огромные надежды. В 1934 году свою комнату в московской коммуналке они обменяли на домик в подмосковной деревне Степановское, однако им не удалось спрятаться от НКВД,

ПОИСКИ И НАХОДКИ

Существуют два правила. Первое — личные архивы после смерти человека часто пропадают. Второе — если есть люди, желающие сохранить память о нем, случаются невероятные совпадения (Юнг называл это синхронистичностью — смысловым упорядочением случайных событий).

Галина Лонгиновна Козловская и при жизни, и после смерти сама притягивала в свое существование удивительные, на грани мистики, события.

И вот за годы работы составители этой книги с радостью, неожиданно обретали все новые и новые, казалось бы, утраченные навсегда или недоступные материалы.

Одно из самых важных приобретений — это полный текст воспоминаний Г.Л. Козловской. Мы получили его из рук Елены Данииловны Шубиной, а ей, в свою очередь, передал ее друг, историк Михаил Алексеевич Давыдов (1939 — 2013). Еще будучи молодым аспирантом, он познакомился с Борисом Сергеевичем Кузиным, известным биологом, другом О.Э. Мандельштама, и его женой Ариадной Валериановной Апостоловой, кухней Галины Лонгиновны. От нее он узнал о Галине Лонгиновне Козловской и ее необыкновенной судьбе. Написал ей письмо, она ответила, и их переписка продолжалась до смерти Козловской.

Среди других источников сведений о Галине Лонгиновне оказалась и научная библиотека Московского университета. Там, в отделе устной истории, хранятся записи беседы В.Д. Дувакина с ней и ее мужем, происходившие на кухне у Л.Г. Чудовой-Дельсон в 1974 году. В неопубликованной части беседы (от 22 августа 1974 г.) Галина Лонгиновна рассказывает о себе, о своей родословной, о жизни за границей и возвращении на родину в СССР, о высылке с мужем

в Ташкент. Родословная Козловской действительно уникальна: “сложный гибрид — помесь казачьей, украинской и турецкой крови, причем все антиподы, враждующие между собой племена и народы”. На вопрос, а как с еврейскими корнями, она отвечает: “Никак, ни капли. Хотя фамилия моего отца была Герус, но он из воронежских крепостных графа Бутурлина. Почему-то носил греческую фамилию”.

Историю рода по материнской линии удалось проследить дяде Галины Козловской, историографу Всевеликого войска Донского, П.Н. Краснову. Прапрадед, донской казак, в 1790 году брал Измаил, командовал полком Черноморских казаков.¹ Когда они верхом на лошадях ворвались в Измаил, то в одном из переулков он увидел мечущуюся девочку лет тринадцати. Он скинул бурку и накрыл ею девочку. А по казачьим обычаям то, что накрыто буркой офицера, — его военная добыча. Когда все кончилось, он вспомнил про девочку, вернулся и нашел ее. Она так и просидела под этой буркой среди пламени и резни. Дитя оказалось совершенно необычайной красоты, и он привез ее на Дон, воспитал и позднее женился на ней. Молодая жена приняла старообрядческую веру и умерла девяноста восьми лет, во время молитвы, стоя на коленях.

Галина Лонгиновна слышала этот рассказ от матери (урожденной Клавдии Апостоловой, умершей в 1941 году в возрасте семидесяти пяти лет) — она еще успела застать свою прабабку-турчанку.

Отец Галины Герус — Лонгин Федорович — был профессиональным революционером, членом социал-демократической партии. После первой русской революции его арестовали, и в год рождения дочери (1906) он сидел в тюрьме. Но когда Геруса выбрали во II Государственную думу (февраль 1907 года) от социал-демократической фракции, он, очевидно, подпал под амнистию. “Отца вынесли на руках на вокзал”, — говорит Галина Лонгиновна.

Как известно, II Государственная дума просуществовала менее четырех месяцев (с 20 февраля по 2 июня 1907 года) и, согласно царскому манифесту, была распущена. Герус был настроен весьма

¹ По свидетельству М.А. Давыдова в книге: *Б. Кузин. Воспоминания, произведения, переписка* (СПб, 1999) — его фамилия была Кушнарев.